

Джеймс Хэдли
Чейз

КИНЖАЛ
ЧЕЛЛИНИ

Джеймс Чейз
Кинжал Челлини

«Азбука-Аттикус»

1949

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Кинжал Челлини / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус», 1949

ISBN 978-5-389-16386-7

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них – Джеймс Хэдли Чейз. «Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» – так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотиносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм». В XX веке не осталось места неспешным старомодным историям, в которых эксцентричный сыщик расследует загадочное убийство аристократа в декорациях уютного загородного особняка; по законам нового времени детектив пускает в ход револьвер едва ли не чаще, чем дедукцию.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-16386-7

© Чейз Д. Х., 1949
© Азбука-Аттикус, 1949

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	25
Глава пятая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Джеймс Хэдли Чейз Кинжал Челлини

James Hadley Chase
YOU NEVER KNOW WITH WOMEN

Copyright © Hervey Raymond, 1949
All rights reserved

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

© А. Е. Герасимов, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

Глава первая

Мой кабинет находился на шестом этаже старого здания на окраине Сан-Луис-Бич. С рассвета и до заката в окно нескончаемым потоком врывались крики детей и шум транспорта. Сосредоточиться днем там было практически невозможно.

Поэтому умственной работой я занимался в основном после заката; последние пять ночей я ломал голову, пытаясь отыскать выход из того затруднительного положения, в которое попал. Я чувствовал себя побежденным. Надежды выкрутиться не было. После пары ночных мозговых атак я убедил себя в необходимости сматывать удочки во избежание больших потерь.

Я пришел к такому заключению жаркой июльской ночью, в десять минут двенадцатого, спустя ровно восемнадцать месяцев после моего приезда в Сан-Луис-Бич. По такому случаю следовало выпить. Подняв бутылку, которую я держал под рукой, и убедившись в том, что она пуста, как мои карманы, я вдруг услышал шаги на лестнице.

Другие кабинеты на моем и нижних этажах ночью были заперты. Люди уходили в шесть часов вечера и появлялись утром к девяти. В доме, кроме меня, остались только мыши; топот чьих-то ног разогнал их по щелям. Уже давно никто, кроме полицейских, не навещался ко мне. Вообще-то, я не ждал визита лейтенанта Редферна в такое время, но иногда Редферн поступал странным образом; он мог внезапно изобрести способ избавиться от меня. Он воспользовался бы подвернувшейся возможностью выгнать меня из города в любое время суток.

Шаги раздались в коридоре. Человек не спешил, он был явно грузен и двигался размеренно.

Я нащупал в кармане окуроч, чиркнул спичкой и закурил. Это был мой последний «бычок», я приберегал его на подобный случай.

В коридоре горел свет, он проникал через матовое стекло двери; настольная лампа отбрасывала яркое пятно на поверхность письменного стола, но остальная часть комнаты оставалась темной. За полупрозрачной дверью появилась тень, возле порога замер великан. Его плечи заслоняли стекло. На голове размером с большую тыкву сидела шляпа, подобная той, что носили киношные рыцари плаща и шпаги в те времена, когда я пешком под стол ходил.

Постучав, незнакомец повернул ручку и распахнул дверь. Человек, остановившийся у порога, напоминал своими габаритами двухтонный грузовик. Под носом у него торчала тоненькая щеточка усов, а уставившиеся на меня маленькие, заплывшие жиром темные глазки напоминали дикую сливу в сахаре. На вид ему было лет пятьдесят, не больше. Он страдал одышкой, свойственной тучным людям. Тулья его шляпы находилась чуть выше края дверного проема, и ему пришлось пригнуться примерно на дюйм, чтобы пройти в комнату. На нем было длинное тесноватое пальто с воротником из каракуля и начищенные до блеска туфли на полуторадьюмовой подошве.

– Мистер Джексон?

Скрипучий, высокий голос мужчины не гармонировал с его габаритами.

Я кивнул.

– Мистер Флорид Джексон?

Я снова кивнул.

Он шагнул в комнату и, не оборачиваясь, захлопнул дверь.

– Вот моя визитная карточка, мистер Джексон.

Он бросил карточку на мой стол. С его появлением комната стала тесной, в ней уже не хватало воздуха.

Не двигаясь, я посмотрел на карточку. Там значились лишь его имя и фамилия. Ни адрес, ни профессия не были указаны. Только два слова: Корнелиус Горман.

Пока я разглядывал карточку, он пододвинул стул к столу. Крепкий, добротный стул, сработанный на века, жалобно заскрипел под весом Гормана. Теперь, когда гость сел, в кабинете образовалось немного свободного пространства и воздух снова зациркулировал.

Он положил пухлые пальцы на конец трости. Бриллиант размером чуть поменьше круглой дверной ручки сверкнул на мизинце гостя. Кем бы ни был Корнелиус Горман, деньжата у него водились. Я явственно ощутил их запах. Мой нос великолепно улавливал аромат банкнот.

– Я наводил о вас справки, мистер Джексон, – сказал он, изучая мое лицо. – Говорят, вам палец в рот не клади.

Во время последнего визита лейтенант Редферн заявил мне примерно то же самое правда в более резких тонах.

Я молчал. Любопытно, что ему обо мне известно.

– Вас считают умным и хитрым; очень, очень хитрым и ловким, – продолжил толстяк. – У вас есть голова на плечах, и вы не страдаете от избытка честности. Вы человек отчаянный, мистер Джексон, но вам не откажешь в мужестве, выдержке и силе характера.

Он посмотрел на меня поверх своего бриллианта и расплылся в улыбке. Почему-то, без видимой причины, кабинет показался мне парящим высоко в воздухе, а ночь – тихой, прозрачной. Я представил себе кобру, притаившуюся в зарослях, – жирную, гладкую, но опасную.

– Мне сказали, вы провели в Сан-Луис-Бич восемнадцать месяцев, – еле слышно продолжил он. – До этого вы работали детективом в одном из нью-йоркских банков. Сыщику, служащему в банке, легко преуспеть в шантаже. Возможно, именно поэтому вам предложили уволиться. Обвинение не было предъявлено, но вы жили явно не на одну лишь зарплату. Ваш босс призадумался, мистер Джексон, и решил проявить осторожность.

Он смолк, его маленькие глазки буравили меня.

– Вы ушли оттуда, – продолжил он после паузы, – и вскоре стали сотрудником фирмы, занимающейся охраной гостиниц. Вскоре на вас пожаловался хозяин одного отеля. Вы, кажется, взимали плату с гостиницы в обход вашего работодателя. Вы отвергли обвинение, компания сочла свидетельства вашего мошенничества недостаточными для возбуждения дела, но вам предложили покинуть фирму. Затем вы жили на средства вашей подруги, точнее, одной из ваших многочисленных подруг. Но ей надоело давать вам деньги, которые вы тратили на других молодых женщин, и она порвала с вами.

Спустя несколько месяцев вы решили стать независимым частным детективом. По поддельному удостоверению личности вы получили у прокурора штата лицензию. Вы выбрали местом жительства Сан-Луис-Бич, потому что здесь обитают богачи, а конкурентов мало. Вы специализировались на разводах и некоторое время процветали. Но и в такой области есть возможность заниматься шантажом. В полицию поступила жалоба на вас, и началось расследование. Благодаря врожденной изворотливости вам удалось избежать серьезных неприятностей. Но теперь фараоны хотят выгнать вас из города. Они здорово осложняют вам жизнь. Ваша лицензия аннулирована; власти оставили вас без работы – точнее, они полагают, что им удалось это сделать, но мы-то с вами знаем правду.

Потянувшись вперед, чтобы погасить окурок, я приблизился к бриллианту. Он тянул тысяч на пять, если не больше. Шишки поважнее толстяка Гормана оставались без пальцев из-за таких камушков. Перстень волновал меня.

– Сейчас вы пытаетесь работать как частный детектив, не имея возможности рекламировать свои услуги и повесить табличку на двери. Полицейские следят за каждым вашим шагом; обнаружив, что вы выполняете чьи-то поручения, они привлекут вас к ответственности. Хотя вы оповестили своих приятелей, работающих в барах, о вашей готовности принять любого клиента, никто пока к вам не обратился, и вы сидите на мели. В течение последних пяти ночей вы мучились вопросом, остаться вам здесь или уехать. Вы решили уехать. Я прав, мистер Джексон?

– Проверьте, – сказал я, откинувшись на спинку кресла.

Я испытывал любопытство. Толстяк Горман заинтриговал меня. Возможно, он мыльный пузырь, решивший пустить мне пыль в глаза своим бриллиантом; но все же его шляпа и камень ценой в пять штук казались мне декорацией, за которой скрывается нечто значительное. Подвижные черные глазки Гормана свидетельствовали о быстром уме. Форма рта тоже говорила многое. Поставьте лист бумаги на ребро, и вы получите представление о толщине его губ. Он явно был из тех парней, для которых самый сладостный миг во время корриды – тот, когда рог входит в тело лошади. Видеть, как кишки вываливаются из конского брюха, явно доставило бы ему удовольствие. Несмотря на полноту, в нем угадывалась страшная сила, я чувствовал: стоит Горману сомкнуть пальцы на моем горле, и из ушей у меня тотчас брызнет кровь.

– Не уезжайте, мистер Джексон. У меня есть для вас работа.

Ночной воздух, врывавшийся в распахнутое окно, холодил мне спину. Появившаяся из темноты бабочка заплясала вокруг настольной лампы. На потолке играли яркие «зайчики» от бриллианта. Мы смотрели друг на друга. Паузы хватило бы на то, чтобы дойти до конца коридора и вернуться обратно.

Наконец я произнес:

– Какая работа?

– Хитрая, мистер Джексон. В вашем вкусе.

Я проглотил его слова. Он знал, с кем имеет дело. Пусть пеняет на себя.

– Почему выбор пал на меня?

Он дотронулся до усов толстым пальцем.

– Его определил характер поручения.

Ему это показалось достаточным объяснением.

– Пожалуйста, подробнее, – сказал я. – Готов выслушать ваше предложение.

Горман перевел дух. Наверно, он боялся, что я быстро выставлю его; он не знал, что ссориться с обладателями крупных бриллиантов не в моих правилах.

– Позвольте сначала обрисовать вам ситуацию, а после я объясню, в чем состоит моя просьба.

Обдав меня струей воздуха, выпущенной из легких, Горман продолжил:

– Я театральный агент.

Это походило на правду. Кто еще напялит широкополую шляпу и пальто с каракулем в такую жару?

– Я представляю интересы нескольких звезд первой величины и несметного числа звездочек рангом пониже, – сказал он. – Среди последних – одна молодая женщина, которая развлекает гостей на холостяцких пирушках. Ее зовут Веда Ракс. Она артистка стриптиза. Причем артистка талантливая – иначе я не имел бы с ней дела. Это подлинное искусство.

Он поглядел на меня поверх бриллианта. Я постарался сделать вид, будто верю ему, но вряд ли мне это удалось.

– Вчера вечером мисс Ракс выступала на приеме, устроенном мистером Линдсеем Бреттом для группы бизнесменов.

Маленькие черные глазки, прикованные к бриллианту, внезапно уставились на меня.

– Вы о нем слышали?

Я кивнул. Я считал своим профессиональным долгом знать хоть что-то о каждом жителе Сан-Луис-Бич, чей годовой доход выражался более чем пятизначной цифрой. Бретт владел большим домом, расположенным в нескольких милях от города, – ему принадлежало здание в самом конце Оушн-Райз, бульвара, где жили миллионеры. Утопающий в зелени Оушн-Райз тянется до предгорья. Дома там окружены просторными угодьями и обнесены высокими заборами. Жить там было дорогим, очень дорогим удовольствием. Но Бретт не знал, что такое

финансовые трудности. Он имел яхту, три автомобиля, пять садовников и питал слабость к молоденьким блондинкам. Когда Бретт не принимал гостей, не пьянствовал и не баловался с блондинками, он выкачивал доллары из пары нефтяных скважин и сети магазинов, протянувшейся от Нью-Йорка до Сан-Франциско.

– Когда Веда Ракс закончила свое выступление, Бретт пригласил ее остаться с компанией, – сказал Горман. – Позже он стал демонстрировать гостям коллекцию антиквариата. Недавно он приобрел кинжал, изготовленный Челлини. Чтобы показать его гостям, Бретт открыл сейф, вмонтированный в стену. Мисс Ракс сидела возле сейфа; когда хозяин вращал ручку замка, девушка бессознательно зафиксировала в памяти код. Должен отметить, у нее удивительно цепкая память. Кинжал произвел на Веду Ракс сильное впечатление. Она сказала мне, что не видела более красивой вещи.

Пока что мне было непонятно, причем здесь я. Мне захотелось выпить. А еще – лечь в постель. Но мое бедственное положение вынуждало меня слушать толстяка. Я снова принялся любоваться его бриллиантом.

– Когда гости начали расходиться, Бретт проводил мисс Ракс в предоставленную ей комнату. Согласно договоренности девушка должна была переночевать в доме Бретта, поскольку утром веселье предполагалось продолжить. И тут Бретт начал приставать к мисс Ракс. Наверно, он решил, что она будет легкой добычей. Мисс Ракс отвергла его домогательства.

– Неужто она ждала другого обращения? – раздраженно сказал я. – Если девушка выступает со стриптизом, ее считают доступной.

Проигнорировав мое замечание, он продолжил:

– Веда принялась отбиваться, Бретт рассвирепел, и дело могло кончиться скверно, если бы двое гостей, услышав шум, не заглянули в комнату. Бретт просто взбесился, он пообещал Веле рассчитаться с ней за то, что по вине девушки он предстал перед друзьями в смешном виде. Бретту удалось испугать Веду. Он явно собирался исполнить обещанное.

Я поерзал в кресле. По мне, пусть бы делал с ней что хочет: девица, которая раздевается перед пляшущими на нее полупьяными мужчинами, не вызывает у меня сочувствия.

– Заснула Веда с трудом. Ночью ей приснился сон, – сказал Горман и замолчал.

Он вытащил из кармана портсигар, раскрыл его и положил на стол.

– Я вижу, вы хотите курить, мистер Джексон.

Я поблагодарил его. Он держал руку на моем пульсе. О сигарете я мечтал еще сильнее, чем о выпивке.

– Ее сон тоже относится к делу? – спросил я и добавил к валявшимся под столом спичкам еще одну.

– Ей приснилось, что она спускается вниз по лестнице, открывает сейф и забирает из него футляр с кинжалом, оставляя там свою пудреницу.

Мурашки пробежали по моей спине. Я замер. Выражение смертельной скуки осталось на моем лице, но в голове зазвенел сигнал тревоги.

– Когда она проснулась, часы показывали шесть утра. Мисс Ракс решила покинуть дом, не дожидаясь пробуждения хозяина. Быстро собравшись, она ушла, никем не замеченная. Только днем, разбирая сумку, она обнаружила на дне ее кинжал Челлини.

Я взъерошил пальцами шевелюру и испытал сильное желание выпить. Тревожный колокольчик звенел не умолкая.

– Бьюсь об заклад, ее пудреница исчезла, – произнес я, демонстрируя Горману, что я ловлю каждое его слово.

Он сердито посмотрел на меня:

– Совершенно верно, мистер Джексон. Она тотчас поняла, что случилось. Будучи чем-то встревожена, Веда становится сомнамбулой. Ночью она действительно взяла кинжал Челлини. Это был не сон, это произошло в действительности.

Он долго приближался к сути, но наконец выложил ее. Мы посмотрели друг на друга. Мне было что ему сказать, но я сдержался. Сегодня его вечер; я только фыркнул. Пусть он поломаёт голову над моей реакцией.

– Почему она не отнесла кинжал в полицию и не объяснила там ситуацию? – спросил я. – Они бы уладили инцидент с Бреттом.

– Все не так просто. Бретт угрожал ей. Если его задеть, он становится опасен. Мисс Ракс почувствовала, что он может возбудить против нее дело.

– Не может, если она явится в полицию по собственной воле. Нет состава преступления. Горман снова выдохнул воздух в мою сторону. Его узкие губы искривились.

– Бретт может сказать следующее: совершив кражу, мисс Ракс поняла, что продать кинжал невозможно. Тогда она решила пойти в полицию и рассказать там сказку о своем лунатизме.

– Но наличие пудреницы в сейфе подкрепило бы ее заявление. Находясь в бодрствующем состоянии, она не оставила бы пудреницу в сейфе.

– А если Бретт не подтвердит, что пудреница лежала в сейфе?

Я с сожалением погасил окурок. Я давно не курил таких сигарет.

– Почему она не может продать кинжал, если он такой ценный?

– По простой причине: он уникален. Челлини изготовил только два таких кинжала. Один из них хранится в Уффици, другой – собственность Бретта. Это известно каждому антиквару. Поэтому без личного участия Бретта сделка не состоится.

– О'кей, пусть Бретт выдвигает обвинение. Устроив перед присяжными стриптиз, она сразит их наповал. Готов спорить, они ее оправдают.

Даже на это у него имелся ответ:

– Мисс Ракс не может позволить себе такой публичный акт. Пресса непременно проявит интерес к делу, в котором участвует Бретт. Это погубит ее карьеру.

Тут я сдался:

– Так что же происходит? Бретт возбуждает дело?

Горман улыбнулся:

– Теперь мы добрались до самого интересного, мистер Джексон. Сегодня рано утром Бретт отправился в Сан-Франциско. Вернется он послезавтра. Он не знает о пропаже кинжала.

Я догадался, что последует за этим, но хотел, чтобы он все выложил сам.

– И что же мы делаем? – произнес я.

Моя тактика принесла результат. Он извлек из внутреннего кармана пачку денег, которой можно было заткнуть глотку лошади. Горман отсчитал десять стодолларовых купюр и разложил их на столе веером. Они были новенькие, хрустящие, еще пахнувшие краской. Я и раньше подозревал, что Горман пришел не с пустыми руками, но не рассчитывал увидеть такую внушительную сумму. Я подвинул кресло вперед и присмотрелся к банкнотам повнимательней. Они показались мне настоящими. Но вот только лежали деньги на его половине стола.

– Я хочу воспользоваться вашими услугами, мистер Джексон, – тихо сказал он. – Такая сумма вас заинтересует?

– Да, заинтересует, – ответил я, не узнавая своего голоса, и дрожащей рукой провел по волосам, желая убедиться в том, что моя голова на месте. При виде такого числа сотенных мое давление стремительно подскочило.

Из другого кармана Горман вытащил красный кожаный футляр. Он раскрыл его и подтолкнул ко мне. Я растерянно уставился на сверкающий золотом кинжал; он лежал на белом атласном ложе. Кинжал, длина которого составляла примерно фут, был украшен резными изображениями цветов и животных, а эфес увенчан изумрудом. В общем, красивая игрушка, но на любителя. Я к подобным безделушкам равнодушен.

– Это кинжал Челлини, – медовым голосом произнес Горман. – Я хочу, чтобы вы положили его обратно в сейф Бретта, а пудреницу оттуда забрали. Я понимаю, эта процедура выглядит несколько неэтично, вы сыграете роль взломщика, но вам не придется ничего красть, а гонорар соответствует риску. Вы получите тысячу долларов.

Я знал, что мне не следует прикасаться к этим деньгам и двадцатифутовым шестом. Тревожный звоночек предупреждал меня о том, что этот торговец женской наготой считает Флойда Джексона простофилей. То, что его рассказ про кинжал Челлини, артистку стриптиза, страдающую сомнамбулизмом, пудреницу в сейфе – ложь, догадался бы и ребенок. Мне следовало послать Гормана куда подальше. Теперь я жалею, что не сделал этого. Я мог избежать многих неприятностей, в том числе – обвинения в убийстве. Но стремление получить десять сотенных жгло мою душу; я решил, что сумею извлечь выгоду из ситуации и выйти сухим из воды. Если бы я не сидел на мели и Редферн не преследовал меня, я бы принял иное решение. Но что толку говорить об этом теперь?

Я ответил Горману согласием.

Глава вторая

Поняв, что я клюнул, Горман принял все меры к тому, чтобы я не передумал. Он предложил мне тотчас отправиться к нему домой. Не стоить заезжать на мою квартиру, сказал Горман; он обещал предоставить мне все необходимое для ночного туалета. Внизу стоит машина, живет он рядом, там есть спиртное, еда и условия для спокойного делового разговора. Похоже, он собирался держать меня под колпаком, чтобы я не мог воспользоваться телефоном и проверить правдивость его истории, сообщить кому-то о нашей договоренности. Услышав о предстоящей выпивке, я согласился поехать к нему.

Но перед тем, как отправиться к Горману, мы обсудили вопрос оплаты. Он хотел вручить мне деньги после завершения операции, но я не соглашался. Наконец я вытянул из него две сотни и уговорил Гормана расстаться еще с парой таких же банкнот до выполнения работы. Остальное я получу, когда передам ему пудреницу.

Желая продемонстрировать Горману, как мало я ему доверяю, я вложил две купюры в конверт, написал на нем адрес моего банка и по пути бросил его в почтовый ящик. Если он попытается надуть меня, до этих денег ему уже не добраться.

Возле подъезда стоял «паккард» устаревшей модели. Большие размеры были его единственным достоинством. Я рассчитывал увидеть нечто под стать бриллианту – черное, сверкающее, обтекаемое, и эта колымага удивила меня.

Я подождал, пока Горман втиснется на заднее сиденье. Он не сел в автомобиль, он надел его на себя. Мне показалось, что шины лопнут под тяжестью Гормана, но они выдержали. Убедившись, что сзади свободного пространства почти не осталось, я сел рядом с водителем.

Мы выехали из города по бульвару Оушн-Райз и покатали в сторону предгорья.

Мне не удавалось разглядеть физиономию водителя. Натянутая на нос шоферская кепка скрывала часть его лица. Он сидел, склонившись над рулем и глядя прямо перед собой. Всю дорогу он молчал.

Попетляв по предгорью, мы свернули в долину и оказались на грунтовой дороге, вдоль обочин которой тянулись густые заросли. Мне не приходилось бывать здесь прежде. Нас окружал мрак.

Скоро я оставил попытки запомнить наш маршрут; мысль о двух сотнях долларов, брошенных в почтовый ящик, грела мне душу. Кое-что я уже вырвал у этого хищника.

Я не тешил себя иллюзиями в отношении этой работы. Меня наняли, чтобы я обчистил сейф. Несчастливая артистка стриптиза, напуганная злым миллионером, кинжал Челлини – все это было липой. Я не поверил ни единому слову Гормана. Он хотел завладеть чем-то, лежавшим в сейфе Бретта. Возможно, пудреницей. Эта вещь была нужна ему позарез; свою фантастическую историю он придумал как легенду на тот случай, если я его заложу. У него не хватило смелости открыто заявить мне, что я должен обворовать Бретта. Но платил он именно за это. Я взял у него деньги, но это еще ничего не значило. Он назвал меня хитрым и ловким. Возможно, он прав. Я решил временно подыгрывать ему, но я не собирался идти на авантюру, не поняв, чем она может закончиться. Во всяком случае, я успокаивал себя подобными мыслями.

Мы добрались до края долины. Воздух был влажный, над землей стлался туман. Он поглощал свет автомобильных фар, сильно ухудшая видимость. Из мрака доносилось кваканье лягушек. Луна, затянутая мгlistой пеленой, казалась лицом мертвеца, а звезды – бриллиантами, приклеенными к небосводу.

Автомобиль въехал в узкие ворота. С обеих сторон дорогу обступала живая изгородь. Наконец я увидел освещенные окна, словно повисшие в воздухе, очертания дома в темноте были неразличимы. Мертвая тишина и безветрие нагоняли тоску – такую можно испытать, сидя в «одиночке» Сан-Квинтона.

Фонарь, забранный решеткой из стальных прутьев, вспыхнул над входной дверью; автомобиль остановился, хрустнув гравием. Вход в дом украшали каменные львы. Передняя дверь была прошита медными гвоздями и, казалось, могла выдержать удары стенобитного орудия.

Водитель вылез из машины, подошел к задней двери и помог Горману выйти. Свет фонаря упал на лицо шофера. Его крючковатый нос и узкие губы показались мне знакомыми. Я уже где-то видел этого человека.

– Убери машину, – рявкнул Горман. – И приготовь нам сэндвичи, только не забудь сперва вымыть руки.

– Хорошо, сэр, – отозвался водитель, метнув в Гормана взгляд, способный свалить человека с ног.

Я понял, что он ненавидит Гормана. Это меня обрадовало. В подобной игре всегда полезно знать, кто на чьей стороне.

Горман открыл дверь, втиснулся в образовавшийся проем. Я последовал за ним. Мы оказались в просторном холле с широкой лестницей, которая вела на второй этаж. Слева виднелись двойные двери гостиной.

Никто из прислуги нас не встретил. Похоже, никому в этом доме до нас не было дела. Горман снял шляпу, выбрался из пальто. И без своего головного убора Горман сохранял внушительный и опасный вид. На макушке у него блестела круглая проплешина, но она не бросалась в глаза, потому что весь его череп был обрит почти наголо. Под короткой растительностью виднелась розовая кожа, поэтому резкая граница между волосами и лысиной отсутствовала.

Я бросил свою шляпу на кресло, стоявшее в холле.

– Проходите, мистер Джексон, – сказал Горман. – Чувствуйте себя как дома.

Идя в гостиную рядом с Горманом, я казался себе маленьким буксиром, снующим около океанского лайнера. Два больших мягких дивана, обтянутых красной кожей, и три кресла стояли возле громадного камина. Лакированный пол устлали персидские ковры яркой расцветки; у стены находился резной буфет с богатой коллекцией бутылок и бокалов.

В одном из кресел сидел стройный элегантный человек.

– Доминик, это мистер Флорид Джексон, – произнес Горман и, повернувшись ко мне, добавил: – Мистер Доминик Паркер, мой партнер.

Мое внимание было поглощено бутылками, но я из вежливости кивнул. Мистер Паркер не соизволил ответить. Он поглядел на меня, презрительно искривив губы.

– А, сыщик, – с усмешкой сказал он и посмотрел на свои ногти так, как это делают женщины, когда они хотят избавиться от вашего общества.

Остановившись возле одного из диванов, я принялся изучать рослого, худощавого Паркера. Он зачесывал свои гладкие каштановые волосы назад. У него было длинное узкое лицо с блекло-голубыми глазами и по-женски мягким подбородком. Морщинки под глазами и складки на шее говорили мне о том, что Паркеру перевалило за сорок.

Одевался он с дамской тщательностью. На нем были серый с перламутровым отливом костюм из фланели, бледно-зеленая рубашка, бутылочного цвета галстук и такого же тона сапоги из телячьей кожи. В петлице у Паркера торчала белая гвоздика. Он держал в своих алых губах толстую овальную сигарету с золотым концом.

Горман сел лицом к камину. Он вдруг посмотрел на меня без интереса, словно я надоел ему.

– Хотите выпить? – спросил он и перевел взгляд на Паркера. – Ты не нальешь мистеру Джексону?

– Пусть сам нальет, – резко ответил Паркер. – Я не привык ублажать слуг.

– Это я слуга? – спросил я.

– Раз мы тебе платим, значит ты слуга, – надменным тоном пояснил он.

– Слуга так слуга.

Я подошел к буфету и щедрой рукой налил себе виски.

– Вроде того парня, которому велели вымыть руки, – добавил я.

– Сделай одолжение, не раскрывай рот, когда тебя ни о чем не спрашивают, – произнес

Паркер.

Лицо его перекошилось от злости.

– Не кипятись, Доминик, – сказал Горман.

Скрипучий голос толстяка подействовал на Паркера. Нахмурился, он уставился на свои ногти. Возникла пауза. Я поднял бокал, глядя на Гормана, и выпил. Виски соответствовало бриллианту.

– Он займется делом? – сказал вдруг Паркер, не поднимая головы.

– Завтра ночью, – произнес Горман. – Объясни ему все. Я ложусь спать.

Он ткнул в мою сторону своим пальцем-бананом.

– Мистер Паркер вас проинструктирует. До свидания, мистер Джексон.

– До свидания, – ответил я.

Дойдя до двери, он обернулся и посмотрел на меня:

– Найдите общий язык с мистером Паркером. Я ему всецело доверяю. Он знает, что надо сделать. Выполняйте его распоряжения.

– Не беспокойтесь, – сказал я.

Мы услышали, как заскрипела лестница под тяжестью Гормана.

– Валяйте, – сказал я, плюхаясь в кресло. – Я тоже вам всецело доверяю.

– Не кривляйся, Джексон.

Паркер сидел в кресле прямо и неподвижно. Он стиснул кулаки.

– Тебе платят, и весьма щедро. Я не потерплю от тебя наглости. Понял?

– Пока я получил всего двести долларов, – сказал я, улыбаясь ему в лицо. – Если я вам не по душе, отправьте меня домой. Задаток возместит потерянное время. Я вам не навязываю свои услуги.

Стук в дверь спас его от унижения.

– Входи, – сказал он своим злым, жестким голосом, пряча кулаки в карманы брюк.

Шофер держал в руках поднос. Он успел переодеться в белый костюм, который был ему великоват. Бутерброды готовились неопытной рукой.

Теперь, когда на нем не было кепки, я тотчас узнал его. Этого смуглого грустного человека с крючковатым носом и печальными влажными глазами я видел в гавани. Любопытно, как он попал к Горману? Несколько недель тому назад он на моих глазах красил лодку у воды. В роли слуги он, как и я, оказался совсем недавно. Входя, он посмотрел на меня. В глазах у него мелькнуло удивление.

– Это еще что такое? – Паркер указал пальцем на поднос.

– Мистер Горман велел приготовить сэндвичи, сэр.

Паркер встал, взял тарелку и уставился на бутерброды. Потом поднял один из них большим и указательным пальцами.

– Ты полагаешь, это можно есть? – негодуя спросил он. – Когда ты запомнишь: бутерброды должны быть тонкими, как бумага, болван? Переделай!

Резким движением кисти он швырнул всю тарелку коротышке в лицо. Кусок цыпленка застрял в волосах водителя. Он замер, сильно побледнев.

Паркер подошел к окну, раздвинул шторы и посмотрел в ночь. Шофер навел порядок. Паркер повернулся.

– Мы не хотим есть, дружище. Не возвращайся, – сказал я.

Шофер вышел, не взглянув на меня. Я почувствовал, что внутри у него все кипит.

Паркер бросил через плечо:

– Не смей отдавать приказы моим слугам.

– Если вы будете вести себя как истеричная женщина, я лягу спать. Хотите мне что-то сообщить – говорите.

Он отошел от окна. Ярость старила его, делала некрасивым.

– Я предупреждал Гормана, что поладить с тобой будет трудно, – сказал он, едва управляя своим голосом. – Я советовал ему не связываться с тобой, мелким жуликом.

Я усмехнулся:

– Меня наняли для того, чтобы я выполнил работу, и я выполню ее, но оскорблений не потерплю. Ни от вас, ни от толстяка. Если вам нужны мои услуги, так и скажите, и хватит молотить языком.

Он неожиданно взял себя в руки. Я даже удивился.

– Хорошо, Джексон, – с мягкостью в голосе сказал он. – Нам не стоит ссориться.

Паркер подошел к буфету, открыл его и извлек оттуда бумагу, свернутую в трубку. Он бросил ее на стол.

– Это план дома Бретта. Взгляни.

Я плеснул себе еще виски и взял из пачки, что лежала на буфете, овальную сигарету. Затем развернул бумагу и принялся изучать синьку. Склонившись над столом, Паркер показал мне вход в дом и место, где находится сейф.

– В доме есть два охранника, – сказал он. – Они бывшие полицейские, с оружием обращаться умеют. На окнах и в сейфе – датчики сигнализации. Ты проникнешь в помещение через боковую дверь.

Он ткнул длинным пальцем в план.

– Далее пройдешь по этому коридору и поднимешься по лестнице в кабинет Бретта. Место, где расположен сейф, отмечено красным крестом.

– Постойте-ка, – перебил его я. – Горман ничего не говорил насчет охранников и сигнализации. Почему она не сработала в ту ночь, когда мисс Ракс взяла кинжал?

Он, видно, ждал этого вопроса, потому что ответил на него без промедления:

– Когда Бретт положил кинжал обратно в сейф, он забыл включить сигнализацию.

– Она до сих пор бездействует?

– Возможно, но рассчитывать на это не стоит.

– А охранники? Как ей удалось не попасться им на глаза?

– В то время они находились в другом крыле дома.

Новые сведения не прибавили мне энтузиазма. Бывшие полицейские – ребята серьезные.

– У меня есть ключ от боковой двери, – небрежно обронил он. – Об этом можешь не беспокоиться.

– Есть ключ? Вы не теряете время даром.

Он промолчал.

Я подошел к камину, оперся о каменную полку.

– А что меня ждет в случае провала?

– Мы бы не остановили наш выбор на тебе, если бы сомневались в твоих способностях.

Он осклабился, не раскрывая рта.

– Вы не ответили на мой вопрос.

Он пожал плечами:

– Тогда ты расскажешь правду.

– Про сомнамбулу?

– Именно.

– Хотел бы я посмотреть на человека, который заставит Редферна поверить в такую чушь.

– Если ты будешь осторожен, до этого дело не дойдет.

– Надеюсь.

Допив виски, я свернул план в трубочку.

– Посмотрю еще раз перед сном. Пока все?

– Ты ходишь с пушкой?

– Иногда.

– Завтра ночью не бери ее с собой.

Мы посмотрели друг на друга.

– Хорошо.

– Пока все. Утром осмотрим дом Бретта с улицы. Важно, чтобы ты запомнил его расположение.

– А не проще ли самой девчонке положить кинжал на место во время сна? По словам толстяка, стоит ей расстроиться, как она становится сомнамбулой. Мне не составит труда ее огорчить.

– Опять дерзишь.

– Это верно.

Я забрал бутылку виски и бокал с собой.

– Закончу ужин в постели.

– Я не люблю, когда люди, которых я нанимаю, пьют.

– Это уже ваша проблема. Где моя постель?

Ему снова пришлось сдержаться, он бросился вон из комнаты.

Я поднялся вслед за ним по широкой лестнице, прошел по коридору и оказался в спальне, которую давно не проветривали. Воздух там был затхлый, спертый; в остальном комната меня устраивала.

– Спокойной ночи, Джексон, – отрывисто произнес он и ушел.

Я плеснул в бокал немного виски, выпил, налил еще и подошел к окну. Открыл его и оперся о подоконник. Деревья чернели в темноте. Их кроны прятали от меня луну. Внизу я различил плоскую крышу веранды, тянувшейся вдоль всей стены дома. Я вылез из окна и встал на крышу. Добравшись до ее края, я увидел большую лужайку. Мое внимание привлек пруд, заросший лилиями; залитый лунным светом, он напоминал блюдце из чеканного серебра. Водоем был окантован высоким парапетом, на котором сидела девушка; я заметил тлеющий кончик сигареты. Если бы не эта красная точка, я принял бы девушку за статую, так неподвижно она сидела. Я последил за ней некоторое время, потом вернулся в комнату тем же путем.

Влезая в окно, я увидел сидящего на моей кровати шофера.

– Решил глотнуть свежего воздуха, – пояснил я, перекидывая ногу через подоконник.

Я скрыл свое удивление.

– Душновато здесь, верно?

– Да, – тихо согласился он. – Я тебя где-то видел, да?

– На набережной. Меня зовут Джексон.

– Сыщик?

Я усмехнулся:

– Был им месяц тому назад. Теперь безработный.

– Да, слышал. Фараоны тебя прижали, да?

– Точно.

Я отыскал второй бокал, налил виски нам обоим.

– Хочешь?

Он быстро протянул руку:

– Я на минуту. Этим господам не понравится, что я здесь торчу.

– Ты пришел из-за виски?

Он покачал головой:

– Не мог вспомнить, кто ты. Это меня мучило. Я слышал, как ты говорил с этим негодяем Паркером, и подумал, что мы сумеем найти общий язык.

– Да, – согласился я. – Наверно. Как тебя зовут?

– Макс Отис.

– Давно здесь служишь?

– Сегодня первый день.

Судя по его тону, день показался ему слишком длинным.

– Платят неплохо, но не церемонятся. В конце недели отвалю.

– Предупредил их?

– Не собираюсь. Придет время – узнают. Паркер хуже Гормана. Он меня уже достал. Да ты сам видел...

– Да.

У меня не было времени слушать его жалобы. Я хотел получить максимум информации.

– Что ты здесь делаешь?

Он невесело улыбнулся:

– Да все. Готовлю, убираю, вожу автомобиль, стираю, хожу за продуктами, за спиртным.

Работы я не боюсь, а вот их...

– Давно они тут?

– Я сказал – один день. Я их перевозил.

– С мебелью?

– Нет... они сняли дом с обстановкой.

– На какой срок?

– Понятия не имею. Мне лишь отдают приказы.

– Они здесь вдвоем?

– Еще есть девушка.

Значит, я действительно видел девушку.

Я допил виски и налил еще нам обоим.

– Видел ее?

Он кивнул:

– Девочка – пальчики оближешь, но цену себе знает. Ее зовут Веда Ракс. Паркера любит не больше, чем я.

– Возле пруда – она?

– Наверно. Весь день сидит.

– Кто тебя нанимал?

– Паркер. Он подошел ко мне в центре города. Все обо мне знал. Спросил, не хочу ли я заработать денег.

Он бросил хмурый взгляд на бокал.

– Если бы я знал, что он за человек, ни за что бы не согласился. Не носи он револьвер, я бы уже огрел его кочергой.

– Так он ходит с пушкой?

– Она у него висит слева под пиджаком. Похоже, умеет ею пользоваться.

– Они оба бизнесмены?

– Один бог ведает, кто они такие. Пока ни звонков, ни корреспонденции не было.

Кажется, они ждут какого-то события.

Я усмехнулся. Что-то действительно скоро произойдет.

– Ладно, дружище, пора спать. Держи ухо остро. Может, что-нибудь пойдем.

– А ты ничего не знаешь? Что ты здесь делаешь? Что они затевают? Не нравится мне все это. Не соображу, куда попал.

– Кое-что я тебе скажу. Эта девушка, мисс Ракс, – лунатичка.

Он удивился:

– Неужели?

– Из-за этого я нахожусь здесь. И еще – она выступает со стриптизом.

Он задумался, пережевывая информацию. Похоже, она его обрадовала.

– Я сразу почувствовал: есть в ней что-то порочное, – сказал он.

– Не высывайся и будь готов ко всему, – сказал я, провожая его до двери. – Может, тебе повезет.

Глава третья

На следующий день я познакомился с Ведой Ракс.

Утром мы с Паркером поехали на «паккарде» к дому Бретта. Обогнув холмы, мы поднялись по извилистой горной дороге на возвышенность, где кончается бульвар Оушн-Райз.

За рулем сидел Паркер. Он закладывал виражи слишком лихо, и колеса часто оказывались в опасной близости от круто обрывающегося края дороги. Я молчал. Он управлял машиной, едва касаясь пальцами баранки, словно боялся испачкать их.

Дом Бретта был виден издалека. Окруженный двенадцатифутовым забором, он стоял на холме и хорошо просматривался с дороги. Но если вы находились у ворот, деревья, живая изгородь, цветущие кустарники скрывали здание от ваших глаз. Паркер остановил «паккард» на приличном расстоянии от дома, чтобы я сориентировался. Мы захватили с собой план; Паркер указал мне расположение боковой двери на синьке и в реальности. Поскольку лезть через забор предстояло не Паркеру, а мне, он поведал об этом спокойным тоном. Над стеной натянута колючая проволока, добавил он равнодушно. Вообще, меня рекогносцировка обрадовала гораздо меньше, чем Паркера.

У массивных железных ворот стоял охранник лет пятидесяти, крепыш с цепким взглядом; он уставился на нас, когда мы затормозили в пятидесяти ярдах от него.

Паркер сказал:

– Я с ним поговорю. Ты не вмешивайся.

Паркер развернул машину. Невысокий, коренастый охранник с плечами боксера и мощными ногами неторопливо зашагал в нашу сторону. Он был в коричневой рубашке, коричневых вельветовых брюках галифе, форменной фуражке и сапогах.

– Я думал, эта дорога ведет в Санта-Медину, – сказал Паркер, высунув голову из окна.

Охранник поставил начищенный сапог на подножку «паккарда». Он пристально посмотрел на Паркера, потом на меня. Если бы мне не сказали, что он прежде служил в полиции, я мигом догадался бы об этом по его жестким глазам.

– Здесь частная дорога, – сказал он с подчеркнутым сарказмом. – В полумиле отсюда есть табличка, предупреждающая об этом. Возле поворота на Санта-Медину стоит указатель шириной в четыре ярда. Что вам нужно?

Пока он трепался, я успел рассмотреть стену. Она была гладкая, как стекло, с колючей проволокой наверху. Эти острые шипы с легкостью войдут в тело – конечно, мое.

– А я решил, что частная дорога уходит влево, – произнес Паркер. Он растерянно улыбнулся охраннику. – Извините за невольное вторжение.

Я заметил кое-что еще: возле будки охранника сидел волкодав. Он зевнул, обнажив клыки, на которые можно было вешать шляпу.

– Уезжайте, – сказал крепыш. – На досуге выучитесь читать. Вы много теряете.

На поясе у него висела кобура открытого типа; рукоятка револьвера успела засалиться.

– Не стоит проявлять высокомерие, – дружелюбно сказал Паркер. Голос его звучал сдержанно, вежливо. – Все мы порой совершаем промашки.

– Да, ваша мать уж точно промахнулась, – сказал охранник и рассмеялся.

Паркер побагровел.

– Это оскорбительное замечание, – возмущенно произнес он. – Я пожалуюсь вашему хозяину.

– Катитесь отсюда, – зарычал охранник. – Если тотчас не уберете свою колымагу, я вам дам повод для жалобы.

Мы отъехали. Я смотрел в зеркало на охранника; он стоял на середине дороги, глядя нам вслед, крутой, как двенадцатиминутное яйцо.

– Славный парень, – улыбнулся я.

– Его напарник тоже не подарок. Вечером они дежурят вдвоем.

– Собаку видел?

– Собаку?

Он посмотрел на меня:

– Нет. Какую собаку?

– Обыкновенную. С крепкими зубами. Она злее охранника. Похоже, голодная. А еще колючая проволока. С острыми дюймовыми шипами. Пожалуй, я попрошу прибавку. Мне надо оплатить страховку.

– Больше, чем тебе обещано, не получишь, если ты это имеешь в виду, – выпалил Паркер.

– Именно это. Жаль, ты не видел псину. Удирать в темноте от такой красотищи – удовольствие ниже среднего. Да, приятель, придется тебе еще раз запустить руку в чулок.

– Тысяча или ничего, – с каменным лицом отрезал Паркер.

– Ты поступаешь опрометчиво. Я – хозяин положения. Бретт отблагодарит меня за информацию.

Я посмотрел на него. Глаза у Паркера сузились. Я попал в уязвимое место.

– Со мной такой номер не пройдет, Джексон.

– Обкашляй вопрос с толстяком. Еще пять сотен, или я выхожу из игры. Горман не сказал мне об охранниках, собаке, сигнализации и колючей проволоке. Он представил дело так, будто его и правда можно повернуть во сне.

– Я тебя предупреждаю, Джексон, – процедил Паркер сквозь зубы. – Ты нам голову не морочь. Ты принял наши условия и получил задаток. Доведешь дело до конца.

– Хорошо. Но вы накинете пять сотен. Мой профсоюз запрещает мне подставлять зад собакам.

– Если не согласишься на тысячу, пожалеешь, – сказал он и стиснул баранку так, что костяшки его пальцев побелели. – Я тебе не позволю шантажировать меня.

– Виноват толстяк. Нашли простофилю.

Он поехал так быстро, что обратная дорога заняла вдвое меньшее время, чем путь от дома Бретта.

– Поговорим с Горманом, – сказал он.

Мы направились к толстяку.

Он сидел в кресле и поглаживал рукой свою розовую щеку.

– Я сказал ему – мы не позволим нас дурачить, – произнес Паркер.

Он был бледен, глаза его блестели. Горман уставился на меня:

– Бросьте ваши шутки, мистер Джексон.

– Какие шутки, – сказал я, улыбаясь. – Еще пять сотен на страховку. Вы бы взглянули на охранника и собаку.

Он думал с минуту.

– Хорошо, – произнес Горман. – Я сам не знал о собаке и охраннике. Я накину пять сотен, но больше ты не получишь ни доллара.

Паркер возмущенно фыркнул.

– Успокойся, Доминик, – сказал Горман и сердито посмотрел на Паркера. – Если ты знал об охранниках, тебе следовало предупредить меня.

– Он нас шантажирует! – взорвался Паркер. – Не смей ему платить. Чем это кончится?

– Не волнуйся, – произнес Горман, невозмутимый, как китаец во время чайной церемонии.

Паркер с ненавистью посмотрел на меня и вышел из комнаты.

– Деньги я получу сейчас, – сказал я. – Если я нарвусь на собаку, они мне уже не пригодятся.

После непродолжительного спора Горман отдал мне аванс, двести пятьдесят долларов.

Попросив у него конверт и лист бумаги, я приготовил еще один сюрприз для управляющего моим банком. Возле дома находился почтовый ящик. Я бросил туда письмо. Горман следил за мной из окна.

Пока что мои дела шли неплохо. Отстегнув мне за так четыреста пятьдесят долларов, эти ребята уже не могли забрать их назад.

И все же мне не понравилось, что Горман так легко расстался с деньгами. Я знал, что выжать их из Паркера мне бы не удалось. Но Горман был гораздо коварнее Паркера. Толстяк отдал деньги почти охотно, но я не обманывал себя. Получить оставшуюся сумму после передачи Горману пудреницы будет гораздо сложнее. Сейчас я чувствовал себя хозяином положения, но, получив пудреницу, Горман обязательно что-то выкинет. Я был в этом убежден. Я помнил, что сказал Макс насчет паркеровского револьвера. Сейчас они нуждались во мне, потому что Горман был слишком тучен для такого дела, а Паркеру недоставало смелости. Но потом я окажусь им не нужен, более того – опасен. Тогда мне следует быть начеку.

Появился Макс; он сообщил мне, что ланч готов. Я сидел на веранде, перед которой зеленела лужайка. Когда я собрался заговорить с Максом, он нахмурился, предупреждая меня об опасности.

Я обернулся. В дверях веранды стоял мой приятель Паркер, он смотрел на нас. Потом подошел ко мне. Держался он сухо, но корректно.

– Я приготовил все необходимое для сегодняшнего вечера, – сказал он, когда Макс удалился. – Я провожу тебя до забора, а потом подожду в машине.

– Пойдем вместе. Ты займешься собакой.

Он пропустил мои слова мимо ушей; мы направились в столовую. Ланч был более чем скромный. Пока мы ели, Паркер перечислял предметы, которые мне понадобятся:

– Чтобы перелезть через стену, тебе потребуется прочная веревка. У меня есть тонкий канат с крюком на конце. Кусачки для резки колючей проволоки и карманный фонарь я достал. Что еще?

– Как поступим с собакой?

– Я поручу Максу раздобыть трость, залитую свинцом, – вставил Горман.

– А шифр известен?

– Я его записал, – сказал Паркер. – Сбоку от сейфа тянется провод. Сразу перекуси его. Сигнализация при этом отключится. Не прикасайся к окнам.

– Как все легко, верно? – сказал я.

– Для человека с вашим опытом операция действительно проста, – вкрадчиво произнес Горман. – Но действуйте осторожно. Мне не нужны неприятности.

– Мне тоже, – заметил я.

После ланча я сказал, что хочу вздремнуть в саду. Там-то я и познакомился с Ведой Ракс. Я пошел к пруду, надеясь найти ее возле него. Она сидела на парапете в той же позе, что и прошлой ночью. Ее ноги, обутые в сандалии, не доставали до воды нескольких дюймов. На ней были ярко-желтые вельветовые джинсы и тонкая шелковая рубашка такого же цвета. Ее темные волосы волнами падали на плечи. В миниатюрной, женственной, совсем не мускулистой фигурке Веды угадывалась сила. Ее запястья казались выточенными из стали, а бедра – твердыми, как гранит.

Лицо Веды было бледным, маленьким и серьезным. В глазах цвета лазури таилась настороженность. Девушки с хорошенькими мордашками и складными фигурками встречаются нередко. Глядя на них, вы испытываете волнение, которое немедленно проходит, стоит им скрыться из виду. Но Веду вы не смогли бы забыть. Не спрашивайте меня почему. Она отличалась от всех прочих девушек, как джин отличается от воды. В джине есть градус. В Веде была изюминка.

Стоило мне увидеть Веду, как я почувствовал, что беды не миновать. Мне следовало немедленно сказать Горману, что я передумал, вернуть ему деньги и бежать отсюда без оглядки. Это было бы самым разумным поступком в данной ситуации. Я мог предвидеть, что отныне одна половина моей головы будет занята мыслями о деле, а другая – мыслями о Веде. Находясь в подобном состоянии, легко потерять бдительность и пропустить удар. Я знал это, но не прислушался к голосу разума.

– Здравствуйте. Я о вас слышал. Вы гуляете во сне, – сказал я.

Она изучающе, без тени улыбки оглядела меня.

– Я тоже о вас слышала, – сказала Веда.

Образовалась пауза. Мы молча смотрели друг на друга. Веда не шевелилась. Меня поразила ее способность сидеть абсолютно неподвижно. Не было заметно даже, как она дышит.

– Вы знаете, почему я нахожусь здесь? – спросил я. – Знаете, что мне предстоит сделать?

– Да, знаю, – сказала она.

И все. Словно речь шла о чем-то заурядном. Я посмотрел на воду. Увидел отражение девушки. Там она тоже выглядела недурно.

Мне почудилось, что я подействовал на нее так же, как она на меня. Я не был в этом уверен, но все же интуиция подсказывала мне, что я высек искру, от которой может вспыхнуть пламя.

У меня был богатый опыт общения с женщинами. Они подарили мне немало радостей и огорчений. Современные женщины – забавные создания. Полагаться на них нельзя ни в чем: они сами не в состоянии полагаться на себя. Нет смысла искать ту пружину, что приводит их в движение. Сделать это вам не удастся. Их настроения меняются мгновенно; остается лишь ловить то из них, которое вам на руку. Стоит проявить нерешительность, и момент упущен. Осада займет неделю, месяц или год. Эти игры не в моем вкусе: я предпочитаю действия неожиданные, как выстрел в спину.

Я приблизился к Веде. Она сидела как каменная, опустив руки на колени. Я ощутил аромат, исходивший от нее: приятный, едва уловимый, пьянящий.

Внезапно мое сердце затрепетало, во рту пересохло. Я словно схватился за высоковольтные провода и не мог выпустить их из рук. Меня разрывало на части. Она повернулась и медленно подняла голову. Я обнял Веду, наши губы встретились. Видно, ее настроение совпало с моим. Поцелуй длился секунд пять. Я чувствовал дыхание Веды. За пять секунд я успел ощутить, как она восхитительна; Веда прижалась ко мне своим упругим молодым телом, одной рукой она обхватила мою шею, другой крепко сдавила плечо. Вдруг она оттолкнула меня. Ее запястья и правда оказались стальными.

Мы посмотрели друг на друга. Ее лазурные глаза были такими же чистыми и незамутненными, как пруд с лилиями.

– Ты всегда такой быстрый? – спросила она, коснувшись тонким пальчиком своих губ.

Тяжесть, навалившаяся на мою грудь, мешала мне дышать. Когда я заговорил, тембру моего голоса могли бы позавидовать лягушки.

– Похоже, я поступил правильно, – сказал я. – Когда-нибудь стоит это повторить.

Она перебросила ноги через парапет и встала. Ее макушка чуть возвышалась над моим плечом. Веда стояла прямо и неподвижно.

– Возможно, – сказала она и ушла.

Я проводил ее взглядом. Веда не оглянулась. Когда она исчезла в доме, я сел на парапет и закурил. Руки мои дрожали, как листья осины.

Я долго сидел возле пруда. Никто не подходил ко мне, не следил за мной из окна. У меня было вдоволь времени подумать о том, как я стану перелезть через стену, как постараюсь не попасться на глаза охранникам и собаке, как буду открывать сейф. Но я размышлял не об этих

вещах, а о Веде Ракс. Уже солнце опустилось за высокие сосны и тени в саду удлиннились, а я все думал о Веде Ракс. Наконец из дома вышел Паркер, он приблизился ко мне.

Я уставился на него удивленными глазами – я напрочь забыл о Доминике; я словно и не был с ним знаком. Вот что сделала со мной Веда.

– Зашел бы ты в дом, – отрывисто проговорил Паркер. – Обсудим детали до ужина. В девять часов отправимся к Бретту.

Мы прошли в помещение. Веды не было ни в холле, ни в гостиной, где нас ждал Горман. Я прислушивался, не раздадутся ли где ее шаги.

– Кинжал понесет Доминик, – сказал Горман. – Когда вы заберетесь на стену, он вручит его вам. Обращайтесь с кинжалом бережно. Не поцарапайте футляр.

Паркер передал мне ключ от боковой двери. Мы еще раз заглянули в план.

– До нашего отъезда я должен получить еще двести долларов, – напомнил я Горману.

– Доминик отдаст их вам вместе с кинжалом, – сказал Горман. – Вы и так уже отхватили солидную сумму, палец о палец не ударив, мистер Джексон. Эти деньги получите, когда начнете действовать.

Я усмехнулся:

– Хорошо. Только без них я не войду в дом Бретта.

Я рассчитывал увидеть Веду за ужином, но ошибся. Мне нестерпимо хотелось знать, где сейчас находится мисс Ракс.

– Я видел девушку в саду, – как бы невзначай обронил я. – Это была мисс Ракс? Она не собирается перекусить с нами?

Паркер побледнел. Руки его сжались в кулаки, кожа на костяшках едва не лопалась. Он что-то произнес в ярости; Горман быстро перебил его:

– Не горячись, Доминик.

Вид Паркера мне не понравился, и я отодвинул мой стул назад. Похоже, Паркер совсем потерял голову, он мог и ударить меня. Я не хотел получить по физиономии, сидя на стуле, даже от такого дохляка, как Паркер.

– Тебя наняли, чтобы ты выполнил работу, Джексон, – сказал Паркер, перегнувшись через стол и глядя на меня с ненавистью. – Не лезь в чужие дела. Мисс Ракс не хочет иметь ничего общего с таким мелким жуликом, как ты, а я слежу за тем, чтобы ее желания исполнялись. Не упоминай ее имени!

Из-за того маленького события, что произошло у пруда, я повел себя неправильно.

– Только не говори мне, что эта крошка в желтых брюках могла увлечься таким ничтожеством, как ты, – сказал я и засмеялся ему в лицо.

Я приготовился отшвырнуть стул и заехать Паркеру кулаком в челюсть, но он навел на меня револьвер 38-го калибра, невесть как оказавшийся в его руке. Макс верно заметил, что Паркер умеет обращаться с пушкой. На моих глазах так быстро револьвер выхватывали только в кино.

– Доминик! – негромко произнес Горман.

Я замер. Увидев стеклянные блекло-голубые глаза Доминика, я понял, что он способен выстрелить. Момент был не из приятных. Ствол пушки показался мне широким, как бруклинский тоннель, и таким же неподвижным. Я увидел, как тонкий палец Паркера выбрал свободный ход спускового крючка.

– Доминик! – заорал Горман и трахнул своим огромным кулаком по столу.

Дуло опустилось, и Паркер посмотрел на меня так, словно он не понимал, что здесь происходит. Мурашки пробежали по моей спине, когда я снова заглянул в его пустые ошалелые глаза. Ему ничего не стоило выстрелить. Подобную застывшую маску я наблюдал на лицах преступников-психопатов, содержащихся в специальной тюрьме. Облик убийцы-параноика забыть невозможно.

– Не горячись, Доминик, – повторил Горман своим высоким, скрипучим голосом.

Толстяк не сдвинулся с места. Я начал понимать, почему Горман иногда просит Паркера успокоиться. Он знал о странностях Доминика.

Паркер медленно встал, в недоумении посмотрел на револьвер и вышел из комнаты.

Я вытащил платок и протер им лоб. Я успел покрыться испариной.

– Вы за ним следите, – спокойно сказал я. – Когда-нибудь его унесут привязанным к носилкам.

– Вы сами виноваты, мистер Джексон, – сказал Горман. Глаза его были холодны. – Он парень неплохой, если правильно с ним обращаться. Вы лезли на рожон. Еще кофе налить?

Я усмехнулся:

– Пожалуй, я выпью что-нибудь покрепче. Еще мгновение, и он бы выстрелил. Не обманывайте меня. Вы должны забрать у него револьвер, пока не случилась беда.

Горман смотрел, как я наливаю себе виски. Его полное лицо ничего не выражало.

– Вы не должны обижаться на него, мистер Джексон. Он увлечен мисс Ракс. На вашем месте я не стал бы упоминать ее имя в разговоре.

– Да? А как она относится к нему?

– Мне кажется, это вас не касается.

Я выпил.

– Возможно, вы правы, – сказал я.

В девять часов Паркер подогнал автомобиль к входной двери. Он, похоже, справился со своей вспышкой.

Горман вышел на ступеньки, чтобы проводить нас.

– Удачи вам, мистер Джексон. Паркер даст вам последние указания. Я подготовлю деньги к вашему возвращению.

Я смотрел на темные окна в надежде увидеть Веду и не слишком внимательно слушал Гормана.

– Мы должны вернуться через два часа, – сказал Паркер Горману.

Судя по голосу Доминика, он волновался.

– Если мы не приедем, ты знаешь, что делать.

– Приедете, – отозвался Горман.

Нервы у толстяка были крепче, чем у Паркера.

– Мистер Джексон не подведет.

Отъезжая от дома, я снова бросил взгляд на окна, но опять не увидел Веду.

Глава четвертая

Мы сидели в машине возле двенадцатифутовой стены, окружавшей владения Бретта. В предгорье было темно, прохладно и тихо. Мы не могли разглядеть ни стены, ни автомобиля, ни друг друга. Все утонуло в кромешном мраке.

– Ну, – негромко сказал Паркер, – с богом. Не торопись. Когда вернешься, свистни. Я зажгу фонарь, чтобы ты нашел веревку.

Даже теперь я не решил, как буду действовать. Идти туда не хотелось. Стоит мне перелезть через забор, как я окажусь в опасном положении. В случае провала тюрьма – далеко не самое худшее, что мне грозит. Уж Редферн не упустит шанса избавиться от Флойда Джексона. Он только и ждет, когда я подставляюсь.

Паркер зажег матовый плафон. Я различил очертания рук, головы, плеч Доминика.

– Вот код сейфа, – сказал он. – Его легко запомнить. Я записал на бумажке. Один полный поворот вправо, половина поворота влево, затем снова полный вправо и еще полповорота вправо. Между каждым движением делай паузу, необходимую для срабатывания механизма. Не спеши. Без пауз замок не открыть.

Он протянул мне листок.

– А деньги? – спросил я.

– Больше ты ни о чем не думаешь, – раздраженно бросил он. Тут Паркер ошибался, но говорить ему сейчас о Веде Ракс я считал неуместным. – На, возьми и думай о деле.

Он вручил мне две сотенные бумажки. Свернув их, я спрятал деньги в портсигар. Мне следовало теперь захватить Паркеру кулаком в челюсть, вышвырнуть его из машины и уехать, но я хотел увидеть Веду. Я запомнил вкус ее губ.

– Пудреница лежит в сейфе на второй полке. Ты сразу ее увидишь. Это маленькая золотая коробочка толщиной в полдюйма. Сотни женщин пользуются такой. Вместо пудреницы положишь кинжал.

– Эх, если бы эта крошка спала, пристегнувшись цепью к кровати, – сказал я. – Продай ей мою идею.

Он открыл дверцу машины и нырнул в темноту. Я последовал за ним. Теперь я разглядел верхний край стены. Мы прислушались. Ничто не нарушало тишину. Интересно, отвязана ли собака, подумал я: воспоминания о волкодаве повергали меня в дрожь.

– Готов? – нетерпеливо сказал Паркер. – Ты должен вернуться до появления луны.

– Да, – сказал я, помахивая тростью, и пожалел о том, что не взял с собой револьвер.

Он размотал веревку, я взялся за крюк. С третьей попытки мне удалось зацепиться им за край стены.

– Ну, пока, – сказал я. – Не спи. Вдруг удирать из дома я буду гораздо быстрее, чем полезу в него.

– Смотри, Джексон, не пытайся нас перехитрить, – сказал он.

Я не видел лица Паркера, но по его голосу понял, что он говорит сквозь стиснутые зубы.

– Ты не получишь ни доллара, если не принесешь пудреницу.

– Будто я этого не знаю, – сказал я и взялся за веревку. – Кинжал у тебя?

– Я подам его наверх. Обращайся с ним бережно. Не стукни обо что-нибудь. На нем не должно быть царапин.

По веревке я добрался до колючей проволоки. Держась одной рукой за узел на веревке, я взял кусачки и занялся проволокой. Туго натянутая, она могла хлестнуть меня по лицу; я действовал осторожно. Наконец я справился с ней.

– Порядок, – произнес я в темноту и оседлал стену.

Я бросил взгляд в сторону дома, но ничего не увидел.

– Держи, – прошептал Паркер. – Осторожней с ним.

Я опустил руку, и вскоре мои пальцы нащупали футляра.

– Взял, – сказал я.

Засовывая его к себе в карман, я добавил:

– Здесь такая темень, хоть глаза выколи. Чтобы найти боковую дверь, мне потребуется время.

– В нескольких ярдах от забора, справа от тебя, есть дорожка. Она ведет прямо к дому. Ты не заблудишься.

– Ты здорово подготовился, а? – сказал я, подтянул веревку, спрыгнул со стены и очутился в саду.

Я замер, стоя на траве и держась рукой за забор. Прислушался. Я услышал лишь собственное дыхание и биение моего сердца. Я еще не решил, как мне поступить. То ли, обождав немного, вернуться назад и сказать Паркеру, что мне не удалось открыть сейф, то ли пойти вперед, рискуя нарваться на собаку или охранника.

Если охранники схватят меня с пудреницей в руках, я не сумею защититься от Редферна. Но я сгорал от любопытства. Я не поверил Горману. Человек его склада не станет тратить полторы тысячи долларов, чтобы выручить женщину. Пудреница или какая-то другая вещь, хранящаяся в сейфе, представляла большую ценность. Иного объяснения я не находил. Я не собирался отдавать этот предмет Горману. Мне надоел Сан-Луис-Бич, я устал от безденежья, от своего жалкого положения. Пошевелив мозгами, я мог сорвать большой куш. Вдруг вырученная сумма окажется так велика, что мне хватит ее на несколько лет? Игра стоила свеч. Я решил рискнуть.

Все эти соображения промелькнули в моей голове за какие-то пять секунд; и вот я уже крался по дорожке к дому. Благодаря туфлям на резиновой подошве, я шел бесшумно, как привидение. Я не спешил и двигался пригнувшись. В одной руке я держал фонарь, в другой – трость, воспользоваться которой был готов в любой момент. Наконец я оказался на лужайке. Слева на фоне неба чернел громадный каменный дом. Света нигде не было.

Огибая лужайку под прикрытием деревьев, я беспрестанно думал о собаке. Обученный сторожевой пес не подает голоса. Приближаясь к вам, он стелется по земле; вы узнаете о его присутствии лишь в тот момент, когда он хватает вас клыками за горло. Моя рубашка скоро прилипла к спине, а нервы натянулись до предела. Тропа обрывалась около ступенек, ведущих на террасу. Я вспомнил план: путь к боковой двери шел через эту террасу, затем следовало подняться на вторую террасу и обогнуть угол дома. Если меня заметят идущим по террасе, я не смогу нигде укрыться.

Я замер возле последнего дерева и стал всматриваться в террасу до боли в глазах. Сначала я ничего не увидел, затем различил широкие белые ступени и балюстраду. Я продолжал вглядываться и прислушиваться; я знал: отойдя от дерева, я отрежу себе путь к отступлению. Я хотел убедиться в том, что впереди нет ни людей, ни собаки.

Теперь я заметил полоску света, пробивающегося сквозь зашторенное окно. Я услышал танцевальную музыку; мне почему-то стало одиноко.

Я по-прежнему не решался отойти от дерева. Я нутром ощущал, что меня подстерегает какая-то опасность. И тут я увидел охранника. Глаза мои уже успели привыкнуть к темноте, к тому же из-за дома поднялась луна. Охранник стоял возле большой каменной птицы, установленной на пьедестале в конце лестницы. Человек слился с каменной фигурой, поэтому я прежде не замечал его. Потом он сделал шаг в сторону, и я разглядел форменную фуражку на его голове. Я набрал воздух в легкие. Охранник, посмотрев на сад, двинулся вдоль террасы; он удалялся от боковой двери.

Я решил использовать момент. Он мог в любую минуту повернуть назад, но мне показалось, что он не сделает этого. Я рванул к лестнице. Я бежал, отталкиваясь от земли носками.

Когда я достиг террасы, охранник по-прежнему был уверен в том, что он здесь один. Я поглядел на него, пригнувшись у балюстрады. Он добрался до конца террасы и замер там, всматриваясь в сад, словно капитан на мостике; я видел его спину. Я не стал терять времени даром и поднялся по ступенькам на вторую террасу, расположенную выше первой.

Я отчетливо услышал звуки радио. Эрни Касерес исполнял на саксофоне «Персидский ковер». Но я пришел сюда не для того, чтобы наслаждаться мастерством Эрни. Я обогнул угол здания.

Находясь в нескольких шагах от боковой двери, я услышал шаги. Мое сердце замерло от волнения. Я прижался к стене. Шаги приближались.

– Это ты, Хэрри? – прозвучал в темноте чей-то голос, показавшийся мне знакомым. Он, похоже, принадлежал охраннику, которого мы видели у ворот утром. Теперь охранник находился ярдах в десяти от меня.

– Да, – отозвался его напарник.

Охранник склонился над балюстрадой, высматривая своего товарища, оставшегося на нижней террасе.

– Все в порядке?

– Вроде да. Ни зги не видно.

– Смотри в оба, Хэрри. Сегодня нам неприятности не нужны.

– Что с тобой стряслось, Нед? – В голосе Хэрри звучали ноты раздражения. – С чего ты стал такой мнительный?

– Говорят тебе, будь внимателен. Те двое парней не выходят у меня из головы.

– А, забудь о них. Они просто заблудились. Каждый раз, когда кого-нибудь заносит сюда по ошибке, ты паникуешь. Успокойся.

– Они мне не понравились, – сказал Нед. – Пока водитель чесал языком, его спутник изучал обстановку. Он показался мне опасным малым.

– Хорошо. Я сейчас осмотрю всю территорию. Если встречу твоего опасного малого, отдам его на съедение червям.

– Возьми собачку, – сказал Нед. – Кстати, где она?

– Сидит на цепи. Ладно, возьму. Увидимся через полчаса.

Я слушал их разговор, стоя неподвижно, как статуя. Нед смотрел вниз на лужайку, опустив руки на пояс.

Я медленно, беззвучно двинулся вдоль стены, удаляясь от охранника. Наконец он растворился во мраке. Еще несколько шагов, и я оказался у двери.

Я нащупал рукой железное кольцо, связанное с задвижкой, повернул его и толкнул дверь от себя, но она не открылась. Я переложил трость в левую руку, а правую сунул в карман и вытащил оттуда ключ, который мне дал Паркер. Я боялся включить фонарик. Нашупывая пальцами замочную скважину, я постоянно прислушивался: вдруг Нед вздумает направиться сюда. Найдя отверстие, я сунул туда ключ и осторожно повернул его. Замок сработал с легким щелчком, который показался мне более громким, чем выстрел. Я снова повернул кольцо и нажал на дверь. Она открылась. Я нырнул в еще более непроглядную темень.

Пробравшись в дом, я вдруг успокоился. Здесь на меня собака не бросится, а это уже кое-что.

Я знал, куда мне идти. Ничего не видя перед собой, я вспомнил план: тут должны быть пять ступеней, ведущих в длинный коридор. В конце коридора – снова ступени; поднявшись по ним и повернув направо, я окажусь в кабинете Бретта, где стоит сейф.

Я прислушался. Эрни Касерес демонстрировал универсальность своего дарования, исполняя соло на кларнете. Я решил, что эта музыка заглушит любой звук, который я произведу. Я включил фонарь, сориентировался, бегом одолел ступени и коридор. Над вторым лестничным пролетом горела лампа. Свернув направо, я попал в небольшой застекленный холл,

смотревший в сад. Я обнаружил дверь, ведущую в кабинет Бретта. Справа от меня начинался еще один лестничный марш, который вел вверх.

Со второго этажа внезапно донесся шум. Я подскочил, оторвавшись на фут от земли.

– Как ты смеешь! Ой! Скотина! – кричала девушка.

Прислуга забавляется, подумал я и вытер пот со лба. Девушка взвизгнула. Я услышал топот. Снова крик. Хлопнула дверь.

Я обождал; все стихло. Пора Бретту возвращаться домой, подумал я. Его прислуга слишком расшалилась. Я решил не терять больше времени, повернул ручку и заглянул в комнату. Там никого не было. Я шагнул в кабинет и прикрыл за собой дверь. Луч фонаря выхватил из мрака сейф. Он находился в месте, указанном на плане. Сбоку тянулся провод. Если бы я не знал о нем заранее, я ни за что бы его не заметил. Он был искусно замаскирован.

Я перекусил провод, ожидая услышать звон по всему дому, но ничего не произошло. То ли Паркер знал тут все до мелочей, то ли Бретт забыл включить сигнализацию.

Я вытащил из кармана бумажку, освежил шифр в памяти и взялся за ручку замка. Освещая сейф фонарем, я принялся крутить ручку: один полный оборот вправо, двухсекундная пауза, половина оборота влево, пауза, полный – вправо, снова остановка, пол-оборота вправо. Как говорил Паркер. Я потянул ручку на себя. Сейф открылся.

Я еле слышно свистнул от удивления и направил луч фонаря внутрь стального шкафчика. На второй полке в углу лежала маленькая золотая коробочка размером три на три дюйма, компактная, современная и дорогая. Я взял ее. Она оказалась довольно тяжелой. Я не обнаружил на ней кнопки или защелки и опустил пудреницу в карман. Время было мне дорого. Я решил осмотреть пудреницу тщательнее, покинув дом.

Я вытащил из кармана кинжал. До сих пор моя голова была поглощена мыслями о том, как избежать встречи с охранниками и собакой, но теперь я задумался о другом.

Горманова история с кинжалом не внушала мне доверия. Я был убежден в том, что девушка не брала кинжал из сейфа, а пудреница ей не принадлежала. Я видел кинжал. Он показался мне настоящим. Я не разбираюсь в антиквариате, но способен отличить золото от другого металла: кинжал был изготовлен, несомненно, из золота. Тогда зачем Горман попросил меня положить в сейф Бретта дорогой кинжал, который наверняка не был собственностью миллионера? Зачем им понадобилось заменить пудреницу на другой, не менее ценный предмет? Что-то здесь было не так.

Я осмотрел футляр, осветив его фонарем. Может, они обманули меня и кинжала тут нет? Я попытался открыть футляр, но мне не удалось это сделать. Судя по весу, футляр не был пуст. Присмотревшись к нему внимательней, я вдруг заметил, что он толще и длиннее коробки, которую показывал мне Горман. Я не был уверен в своем открытии, но, похоже, я не ошибся. И тут меня прошиб ледяной пот. Из футляра доносилось негромкое, но отчетливое тиканье! Я чуть не уронил коробку на пол.

Теперь мне стало ясно, почему эти жулики велели обращаться с футляром осторожно. Я все понял. Это была бомба! Они замаскировали бомбу под футляр с кинжалом, надеясь, что в спешке я не замечу подмены и суну его в сейф так же быстро, как вы скидываете тарантула, который заполз к вам на брюки.

Я, конечно, понятия не имел о том, когда именно должна взорваться бомба, но, несомненно, при взрыве сейф разнесет в клочья. Бретт никогда не узнает о похищении пудреницы. Он решит, что была предпринята попытка вскрыть сейф с помощью взрывчатки, но злоумышленники не рассчитали заряд, и все содержимое стального ящика погибло. Очевидно, автором столь блестящей идеи был Горман. Я вспомнил, как перелезал через стену, пробирался сюда, прячась от охранников; все это время бомба тикала в моих руках. Меня снова прошиб холодный пот. Я захлопнул дверцу сейфа. Надо успеть к моменту взрыва отбежать как можно дальше от сейфа, подумал я. Возможно, я запаниковал. Бомба, особенно самодельная, – игрушка опас-

ная. Я не сомневался в том, что Паркер – если этим занимался он – установил часовой механизм с такой задержкой, которая позволила бы нам до взрыва отъехать на приличное расстояние от дома. Но когда речь идет о бомбе замедленного действия, нельзя полагаться на чью-то аккуратность. Я исходил из того, что бомба может взорваться в любую минуту.

Я бросился к двери, открыл ее, вышел в холл и столкнулся с охранником по имени Нед.

Я заслужил репутацию человека с мгновенной реакцией. В критической ситуации я действую молниеносно, как автомат. Еще не справившись с шоком, вызванным неожиданной встречей, я сжал толстое горло Неда, не дав ему вскрикнуть.

Охранник не мог тягаться со мной в быстроте. Секунду он простоял неподвижно, не мешая мне душить его. Но надо отдать ему должное: он взял реванш. Оправившись от замешательства, он схватил меня за запястье. Ощувив силу его рук, я понял, что мне не удержать Неда. Он был могуч, как медведь.

Для меня самым важным было не дать ему закричать. Он оторвал одну из моих рук от своего горла и заехал пудовым кулаком мне в шею. От боли я рассвирепел и нанес Неду два удара по корпусу. Его грудная клетка показалась мне бетонной. Он охнул. От следующего моего удара Нед увернулся, он схватил меня за туловище. Мы упали на ковер почти бесшумно, сцепившись, как два диких зверя. Он дрался отчаянно. Но я тоже молотил его по бокам без жалости; я чувствовал, что долго ему не продержаться. Разок мне удалось приложить его головой о пол. Он вырвался, крепко пихнул меня в грудь и заорал изо всех сил.

Я снова бросился на него; мы опрокинули столик. Я испугался не на шутку. Если появится второй охранник с собакой, мне несдобровать. Я дважды ударил Неда по лицу, мой кулак горел. Нед со стоном растянулся на полу.

Вдруг вспыхнул свет. Появился второй охранник.

Я оторвал колено от ковра. На меня смотрел ствол 45-го калибра. Он показался мне огромным, как двухсотсорокамиллиметровая гаубица.

– Руки вверх! – высоким испуганным голосом приказал Хэрри.

Я поднял руки. Нед тем временем неуверенно встал.

– Что здесь происходит? – спросил Хэрри, крупный парень с туповатым лицом.

Сейчас я мог думать только о бомбе.

– Осторожней с ним, Хэрри, – хрипло выдавил из себя Нед. – Дай мне перевести дух. Говорил я тебе. Это тот самый тип.

Хэрри уставился на меня, выбрав пальцем свободный ход спускового крючка.

– Надо вызвать полицию, – сказал он. – С тобой все в порядке, Нед?

Нед, выругавшись, заехал ногой мне по ребрам; я не успел поставить блок. Я распластался на полу. Это меня спасло.

Бомба взорвалась.

Я услышал грохот, увидел ослепительную вспышку, ударная волна отшвырнула меня к стене. Посыпалась штукатурка, стекла со звоном вылетели из окон, стены вздрогнули.

Я обнаружил, что держу в руках фонарь, который я бросил, хватая Неда за горло. Мне следовало немедленно убираться отсюда, но я хотел знать, что случилось с охранниками. Они находились прямо напротив дверцы сейфа, которую сорвало с петель. Я узнал Неда по его сапогам; узнать Хэрри я бы не смог.

Я выскочил на террасу. Меня буквально трясло, но мозг мой работал. Горман хотел обмануть меня, теперь благодаря взрыву я сам оставлю его в дураках. Взрыв мне помог.

Я добрался, пошатываясь, до каменной птицы, охранявшей террасу. Не знаю, как мне удалось вскарабкаться на пьедестал и дотянуться до места, где крылья крепились к телу птицы. Я положил пудреницу в ложбинку между поднятыми крыльями и бросился бежать к забору, туда, где мы расстались с Паркером.

Мои ноги не слушались меня, в ушах звенело. От стены меня отделяло приличное расстояние, и я не был уверен в том, что сумею преодолеть его.

Луна уже висела над домом, заливая сад серебристым светом. Я мог различить каждую травинку, каждый цветок, каждый камешек на дорожке. Но мое внимание приковал к себе волкодав. Он мчался ко мне со скоростью железнодорожного экспресса.

С криком, донесшимся до Сан-Франциско, я бросился бежать, затем передумал и повернулся лицом к псу. Он уже пересек лужайку; глаза его горели, как раскаленные угли, он обнажил клыки. Мне до сих пор иногда снится эта собака, и я просыпаюсь, мокрый от пота, в тот момент, когда она хватается за горло. Волкодав стоял как вкопанный в десяти ярдах от меня. Я замер, чуть дыша; колени мои сгибались. Я знал: стоит мне шелохнуться, и пес бросится вперед.

Мы смотрели друг на друга в течение секунд десяти, которые показались мне сотней лет. Я увидел, как волкодав поджал задние лапы, готовясь к прыжку, и в этот миг грянул выстрел. Пуля просвистела возле меня. Собака упала на бок, она заскулила, грозно щелкая челюстями.

Я, не теряя времени, припустил в сторону фонаря, включенного Паркером. Из последних сил перемахнул через стену и растянулся на земле.

Паркер схватил меня за пояс и подтащил к автомобилю. Я с трудом забрался в него, хлопнув дверцей в тот момент, когда Паркер отпустил сцепление.

– Быстрей! – закричал я. – У них машина. Они сейчас помчатся за нами.

Я хотел нагнать на него страху, чтобы он не задавал вопросов до тех пор, пока мы не отъедем достаточно далеко, туда, где ему не придет в голову вернуться к Бретту. Я в этом преуспел.

Он гнал как сумасшедший. Этот парень умел водить машину. Ума не приложу, как нам удалось не сорваться в пропасть. Мы проходили крутые повороты на скорости восемьдесят миль в час; колеса автомобиля оказывались в нескольких дюймах от обрыва.

В конце горной дороги он резко ударил по тормозам, машину занесло; Паркер выровнял ее рулем и посмотрел на меня.

– Она у тебя? – закричал он, схватив меня за грудки. – Где она, черт возьми? Ты ее принес?

Я так толкнул его, что он едва не вылетел из машины.

– Это все твоя бомба! – заорал я. – Безмозглый кретин! Ты едва не убил меня.

– Ты взял пудреницу? – закричал он, ударив кулаком по рулевому колесу.

– Бомба все там разнесла в пыль, – сказал я. – И сейф, и его содержимое.

Он бросился на меня. Я встретил его прямым в челюсть.

Глава пятая

Я взглянул на себя в зеркало, висящее над камином в гостиной. Я был весь в белой штукатурке, волосы падали мне на глаза, сквозь дыру в брюках светилось колено, рукав куртки был порван. В дополнение к этому кровь сочилась из раны, образовавшейся над глазом; на шее появилось пурпурное пятно. Элегантный Паркер покоился у меня на плече; наш вид свидетельствовал о том, что мы попали в нештучную переделку.

Горман неподвижно сидел в кресле лицом к двери. Его крупные руки лежали на подлокотниках, пальцы стискивали деревяшки так, словно он хотел выдавить из них влагу. Его полное лицо было каменным.

В другом кресле у камина замерла Веда, ее губы были сжаты, широко раскрытые глаза непроницаемы. Белое платье без бретелек держалось на Веде не то за счет волевого усилия, не то за счет разрежения воздуха, не то за счет чего-то еще; вы не могли оторвать от него взгляда в надежде разгадать загадку.

Я сбросил Паркера на ковер. Горман и Веда хранили молчание. Атмосфера в комнате накалилась до предела.

– Он малость разбушевался, пришлось его успокоить, – пояснил я неизвестно кому и начал отряхиваться.

– Вы привезли ее? – спросил Горман, не глядя на Паркера.

– Нет.

Подойдя к буфету, я налил себе виски и опустился в кресло. Мне не следовало возвращаться в этот дом. Я должен был выкинуть Паркера из машины и спустя некоторое время забрать пудреницу. Но тогда я упустил бы Веду, а этого мне вовсе не хотелось.

Горман не пошевелился. Он сжал кресло так, что оно закрипело. Я бросил взгляд на Веду. Она старалась скрыть волнение. Только один мускул на лице Веды заиграл. Край ее рта начал периодически вздрагивать.

Я залпом осушил бокал. Мне чертовски хотелось выпить. Паркер пришел в себя, он застонал и попытался сесть. Никто, кроме меня, на него не взглянул. Судьба Доминика нас не волновала.

– Я не смог взять ее, – сказал я Горману, – сейчас объясню почему. Вы лгали мне с самого начала. Вы с этим дохляком не решились сами похитить пудреницу. Поломав голову, вы изобрели способ, позволяющий украсть ее, ничем не рискуя; для осуществления вашего плана вы отыскивали простофилю, который не в ладах с полицией. Отдаю вам должное: идея неплохая, хотя и довольно замысловатая. Она могла сработать, но этого не случилось, потому что вы слишком многое от меня утаили. Я подошел вам, потому что находился в тяжелом положении. Вы знали, что я под колпаком у полиции. Вы вычислили, что ради больших денег я решусь на многое.

Вы допустили ошибку, не потрудившись точно определить, насколько серьезное преступление я готов совершить ради денег. Вы знали, что я был замешан в паре темных делишек, но тем не менее побоялись выложить карты на стол и сказать мне, что хотите обокрасть Бретта. Вы решили, что, услышав такое предложение, я побегу в полицию и заложу вас. Я не сделал бы этого, Горман. За тысячу долларов я обчистил бы сейф. Вам не хватило ума понять меня до конца.

Веда вдруг пошевелилась. То ли она хотела предупредить Гормана о какой-то опасности, то ли у нее сдали нервы.

Я продолжал:

– Вы ведь не думаете, что я поверил вашим сказкам о сомнамбуле и кинжале Челлини? Я знал, что пудреница принадлежит Бретту, а вы по какой-то причине хотите ею завладеть. Мне

было наплевать, зачем она вам понадобилась. Я хотел получить деньги, и все. Но вы этого не поняли. Если бы вы предупредили меня о том, что этот футляр – бомба, я бы действовал более успешно. Догадавшись, что я имею дело с бомбой, я растерялся. Все произошло в один миг. Я одновременно услышал тиканье бомбы и шаги охранника. Секундой раньше я открыл сейф. Меня охватило естественное желание избавиться от бомбы. Я сунул ее в сейф, закрыл его и шагнул навстречу охраннику. Я успел увидеть лежащую в сейфе пудреницу, но не прикоснулся к ней. Я бы справился с охранником, если бы ему на помощь не подоспел напарник.

Мое положение было сложным, но тут сработала ваша самоделка. Дверцу сейфа сорвало с петель, она угодила в охранников. Комнате тоже досталось. Бомба оказалась мощной, Горман, ее создатель может гордиться своим детищем. Убедившись в том, что все содержимое сейфа превратилось в пыль, а пудреница перестала существовать, я ушел из кабинета.

Я встал и, подойдя к буфету, налил себе виски.

Паркеру удалось сесть, рукой он держался за челюсть. Он пристально смотрел на меня, лицо его вытянулось, побледнело, глаза налились злостью.

– Он лжет, – сказал Паркер Горману. – Я знаю, он лжет.

Горман вздохнул.

– Я надеюсь, что он лжет, – проскрипел толстяк.

– Сходите туда, проверьте, – сказал я. – Заодно посмотрите на останки двух охранников. Вы их убили, Горман.

– Плевал я на охранников, – сказал Горман. – Меня интересует пудреница. Зачем вы оставили ее в сейфе, услышав шаги?

– Только последний болван позволил бы задержать себя с пудреницей в руках, – спокойно объяснил я. – Если бы у меня обнаружили похищенную вещь, я получил бы гораздо больший срок. Я успел подумать об этом. Я мог забрать пудреницу, разделавшись с охранником.

– И все же, – произнес Горман, – вы могли пойти на риск и сунуть пудреницу в карман.

Неужели он думал, что я вернулся бы сюда с пудреницей? Или он считал меня круглым идиотом? Моя версия была исключительно удобной для меня. Даже будучи твердо уверенным в том, что я взял пудреницу, он не мог это доказать.

– Обыщите меня, – сказал я, – если это вас успокоит.

Горман кивнул Паркеру.

– Обыщи его, – сказал толстяк.

Паркер приблизился ко мне. Он был готов разорвать меня в клочья. Я чувствовал его горячее дыхание. Руки Паркера ощупали мою одежду.

– Ничего нет, – разгневанно произнес он. – Так бы он и явился с нею сюда.

– Послушайте, – сказал я, отходя от Паркера, – вы, конечно, огорчены. Вас можно понять. Но я-то тут при чем? Я следовал вашим указаниям. Я не виноват в том, что вы затеяли авантюру с бомбой.

Паркер повернулся к Горману. Доминик был вне себя от ярости.

– Я тебя предупреждал: не связывайся с ним. Твердил тебе: нам не нужен человек с его репутацией. Ты знал, что он мошенник. Теперь ты видишь, в какое положение он нас поставил: мы не знаем, обманывает он нас или говорит правду. Нам неизвестно, погибла пудреница или она где-то спрятана.

– Не волнуйся, Доминик, – сказал Горман и посмотрел на меня. – Он прав, мистер Джексон. Мы не знаем, лжете вы или нет. Но мы это выясним.

Он вынул руку из кармана. Вороненый револьвер казался в его лапе игрушечным.

– Не думайте, мой друг, что я не выстрелю. Никто не знает о том, что вы у нас. Мы закопаем ваш труп в саду; пройдут годы, прежде чем его обнаружат, если это вообще случится. Поэтому не валяйте дурака.

– Я рассказал вам, что произошло. Хотите – верьте, хотите – нет. Револьвер тут не поможет, – произнес я.

– Присядьте, мистер Джексон, – миролюбиво предложил Горман, – и давайте все обсудим.

Он словно только что заметил Веду.

– Оставь нас, дорогая, – обратился он к ней. – Нам надо потолковать с мистером Джексон. Ты нам только помешаешь.

Она тотчас вышла. Без нее комната показалась мне опустевшей. Я прислушался к ее шагам, донесшимся с лестницы; уловив свист плети, я резко нагнулся. В голове у меня что-то взорвалось. Видно, я опоздал.

Незадолго до того, как Паркер нанес мне удар, я посмотрел на часы, стоящие на камине. Стрелки показывали десять минут двенадцатого. Когда я снова увидел перед собой циферблат, до полуночи оставалось тридцать минут. Паркер лил воду на мое лицо. Я потряс головой и уставился на часы. Голова раскальвалась, меня тошнило. Но больше всего меня беспокоило то, что я был привязан к креслу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.